

Павел Ткаченко

Тайга, море, человек

Рассказы

Павел Ткаченко

Тайга, море, человек. Рассказы

«Издательские решения»

Ткаченко П.

Тайга, море, человек. Рассказы / П. Ткаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904317-7

...Я вышел в морозную тишь, запрокинул голову и замер. Касаясь верхушек лиственниц, надо мной повисла черно-прозрачная, мерцающая бездна. Она поражала воображение, как открытие, захватывала дух, как падение...

ISBN 978-5-44-904317-7

© Ткаченко П.
© Издательские решения

Содержание

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК	6
ГИПЕРБОРЕЕЦ	11
ПЕРВОБЫТНОЕ ЭХО	27
БУДЕНЬ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тайга, море, человек Рассказы

Павел Ткаченко

Редактор Владимир Вешунов

© Павел Ткаченко, 2018

ISBN 978-5-4490-4317-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Далеко за горизонт, во все стороны света раскинулись ослепительная зимняя белизна таёжного безмолвия. К центру этого нетронутого покоя гигантской гадюкой тянулась исковерканная борозда, в изголовье которой суетились мы – два измотанных маршрутника.

Застряли мы в сугробах основательно. По вечерам едва хватало сил, чтобы расчистить полтора метра снега под палатку и заготовить дрова на ночь. За пять последних дней – тридцать километров! Если принять во внимание тот факт, что на дорогу мы использовали весь световой день (а это около десяти часов), то после несложных расчётов получалось шестьсот метров в час. Можно подумать, что мы ползли по-пластунски. Если бы... Мы мчались на снегоходах. Правда, удавалось это лишь вначале, когда под резиновыми гусеницами мелькал утрамбованный ветрами наст и за день на нём оставались десятки километров ровно прочерченной колеи. А как только мы спустились с редколесного плато в густозалесённый распадок, наст исчез. Трехсоткилограммовые «Бураны» начали зарываться в рыхлое покрывало. Ровный гул моторов сменился надсадным рёвом, вместо дыхания воли мы обрели удушье каторги, а радость вытеснилась отчаянием. Маршрут, к которому мы долго и тщательно готовились, оказался под угрозой. Мы ещё не сдавались, упорно месили снег и вызволяли своих «коней» из плена, но всё чаще в наших эмоциональных возгласах проскальзывали намеки на тщетность усилий.

Здесь-то, в первозданной глуши, на исходе терпения и состоялось моё знакомство с Тимохой – непримечательным внешне человеком. За полторы недели я привык, что кроме нас двоих вокруг никого нет и быть не может. Поэтому незнакомая человеческая фигура, показавшаяся вдруг из-за деревьев, была настолько неожиданной, что я даже слегка оторопел – будто увидел не русского таёжника в зимней амуниции, а гвинейского папуаса в набедренной повязке.

Невысокий, широкоплечий мужик со спокойным зорким взглядом и поседевшей бородой, неторопливо переставляя широкие лыжи, подошёл к застрявшему снегоходу; невнятно что-то пробурчал собакам, подбежавшим обнюхать диковину, и уж потом, не изменяя интонации, заговорил со мной:

- Эк, занесла тебя нелёгкая!.. Один буксуешь?
- Вдвоём. Второй позади малость.
- И далёко собрались?
- Вёрст на пятьсот. Если вырвемся...

Потом мы вместе гоняли чай в палатке, делились новостями, вспоминали забавные случаи – всё как обычно. Тут уж ничего не поделаешь. Куда бы нас не тянуло, где бы не носило – результат всегда один и тот же: накопленное в душе требует выхода. Хотя в тайге, когда долго не видишь новых лиц, знакомство всегда интереснее, чем в других местах. По сути, это и не знакомство вовсе, а хорошая психологическая разгрузка и, кроме того, всегда полезно что-то узнать, чтобы облегчить дальнейший путь.

Да, всё, как обычно, но не совсем.

Один Тимохин поступок показался нам необычным. Когда мы уже укладывались спать, вдалеке раздался едва слышный лай.

- На соболя лают, – заговорил Тимоха о собаках.
- До утра всё равно держать не будут, бросят, – на правах бывалого человека отозвался из спальника мой коллега.
- Не бросят...
- Погавкают с часик-другой и прибегут, – опять буркнул приглушённый спальником голос.
- Не-е...

Когда я почти уже спал, Тимоха вдруг начал одеваться.

– Ты чего?

– Схожу, гляну... Может, из-под фонаря стрельну...

Некоторое время я прислушивался: не бабахнет ли? Но, не дождавшись, уснул.

Проснулись мы затемно. Трещал мороз; от печки веяло вселенским холодом; Тимохина лежанка пустовала. Пока мы разгоняли кровь в жилах, кипятили чай – рассвело, и в палатку втиснулся ночной скиталец с подстреленным соболем в руках.

– Ты что, всю ночь за ним гонялся?

– Утра ждал... Батарейки слабые, не видно было из-за веток.

– Пришел бы поспал. Или побоялся, что собаки от добычи убегут?

– Сказал бы караулить – не убёгли б.

Мы молча уставились на Тимоху, но, видимо, выражения наших лиц были красноречивее слов, и он, прихлёбывая обжигающий чай, пояснил:

– Нехорошо ведь: одним службу нести – другим дрыхнуть.

– Но они ж отдыхают, когда ты им жрать готовишь.

– Не отдыхают, а ожидают. Ждать ещё тяжелее, чем работать. – Помолчав, он иронично добавил: – Они рады бы помочь, да не умеют. А я в их глазах высшее создание, значит, и поступать должен по-человечески.

Вот так вот! Признаться, тогда мне показалось это специальным приёмом с целью похихивать, поднять настроение.

Но самое примечательное не в этом эпизоде. После встречи с Тимохой нас покинули напасти. Точнее сказать, мы ещё не раз попадали в неприятные ситуации, но сомнения в том, что маршрут может прерваться, исчезли. Каким-то образом та непродолжительная встреча помогла нам...

А без малого через год случился ещё один эпизод с участием Тимохи. Произошёл он в маленьком аэропорту, под вечер, когда надежда на полёт катастрофически таяла. С час мы поторчали у диспетчерской, подкарауливая какой-нибудь невероятный случай, а потом, беседа о том о сём, пошли устраиваться на ночь в привокзальную гостиницу. Свободным оказалось всего одно койко-место, и я удалился на ночёвку обратно в аэропорт. А через полчаса, сидя в кресле, неожиданно увидел своего недавнего собеседника, входящего в зал ожидания.

– Тимоха, ты чего припёрся?

– Во-первых, не Тимоха, а Тимофей Тимофеич, а, во-вторых, вдвоём-то веселее будет.

Меня обескуражили эти «во-первых» и «во-вторых». А ведь и впрямь, когда человеку за пятьдесят, именоваться Тимохой не солидно. Я же, хоть и был моложе лет на пятнадцать, обращался к нему запросто – с этого началось наше знакомство. И вот теперь оказался в затруднении. А Тимофей Тимофеевич, заметив мою озадаченность, рассмеялся и расшифровал первую половину фразы:

– Соответствую ранжиру в людных местах! Меня счас так дежурная в ночлежке назвала – вот я и попал под её влияние. – Он положил ладонь на моё плечо. – Тимоха я.

Но вторая половина фразы меня удивила ещё больше первой. Поменять нормальную постель, к тому же оплаченную, на вокзальную «перекантовку»! Ради чего? Чтобы скрасить несколько часов обыкновенному знакомому, коих десятки? Это выпадало из современных представлений о порядке вещей.

Вновь не смог я вникнуть в Тимохину натуру. Более того, сказал ему, что, мол, ни к чему это напрасное неудобство. Наверно, другой бы начал объяснять понятие солидарности или вообще обиделся бы на бесцеремонность. Но Тимоха молча опустил в соседнее кресло, не обратив внимания на глупые слова.

Нудную ночь в неуютном холодном зале мы коротали за традиционной поллитровкой. В числе прочего, я узнал, что обстоятельства вынудили Тимоху временно охотиться в знако-

мых мне местах. Несколько лет назад там пролегли мои маршруты. Места весьма удалённые, но когда-то освоенные полевиками, от которых осталось несколько избышек, разбросанных по распадкам. Эти два фактора – удалённость и избышки – привлекали меня возможностью побывать в шкуре промысловика: и уголья не заняты, и строиться не нужно. Единственная проблема – добраться. Впрочем, для экспедиционника – это не проблема. И в следующем охотничьем сезоне я намеревался осуществить затею за трехмесячный отпуск. Поэтому, когда услышал, что Тимоха собирается вернуться на старые уголья, упомянул о своём намерении и ляпнул:

– Может, оставишь там чего-нибудь ненужное?

Вот оно, влияние градусов! Будто кто меня за язык потянул. Бывает ли за сотни километров от посёлков и магазинов ненужное? Вопрос, ответ на который готов заранее. Тимоха скользнул по мне взглядом и дипломатично пояснил:

– Да там делать нечего. Кругом одни гольцы.

Спросил-то я случайно, мимоходом, не рассчитывая на отклик. И потому, приняв ответ как естественную форму отказа, перевёл разговор на другую тему.

– Тебя не тянет к благам цивилизации, – спросил я Тимоху.

– Лучшее благо – это женщины. Вот к ним и тянет. Как только выйду из леса – глаза разбегаются. Сплошь одни царевны-красавицы.

– Так и жил бы среди них, – поддел я его.

– Не-е... Как только начинается «поди туда, да принеси то» – красота исчезает.

Какая простая формула, включающая весь диапазон явных и тайных взаимоотношений мужчины и женщины. До чего краткое пояснение сути наших патриархальных отношений! От услышанного (а может, от водки) мне вдруг стало весело, захотелось послушать об остальном. И будто читая мои мысли, Тимоха продолжил:

– Остальное благо находятся вдали от цивилизации.

– Ты подразумеваешь чистый воздух, спокойствие?..

– Скорее, среду обитания. Вот я в какой среде живу? В натуральной. А в какой – горожанин? В искусственной. В этом вся разница. Он вынужден спешить, нервничать, хотеть больше, чем требуется, потому как не хочет отставать от других. От этого он становится ненасытным, вредным типом.

Неожиданный выпад. Для меня, эпизодического горожанина, пожалуй, даже обидный. Стараясь быть беспристрастным, я заметил:

– С такими взглядами недалеко и до ненависти. Ведь этих вредных типов большинство.

– Что ты! – запротестовал собеседник. – Откуда в тайге ненависть?.. Здесь все как на ладони, и потому шелупонь всякая не приживается... Городские – несчастные люди. Слушай что – передаваться. Неприспособленные они...

Так мы «философствовали» до тех пор, пока не проснулся аэропорт. Нам сразу повезло: удачно втиснулись в дряхлый, но ещё летающий аппарат и под гул мотора утомлённо задремали...

На подготовку к охоте я потратил не меньше месяца. И вот наконец договоры, хлопоты, сборы, двухнедельный путь – всё позади. После изнурительного перетаскивания полуцентнерного рюкзака, который и взгромоздить-то на спину удавалось лишь с подставок-валежин, обустройство охотничьего путика казалось отдыхом. Поглядывая на рослого, белоснежно-пушистого напарника с туго закрученным хвостом, я блаженствовал.

Воля! Что может быть лучше?! Деньги? Это рабство. Власть? Это лицемерие. Любовь? Это жар-птица. А воля – это счастье. Хотя, как говорится, каждому своё. Несомненно одно: там, где есть воля, – нет рабства и лицемерия. Но есть любовь к жизни.

Лыжня от моей базовой избышки к другому такому же затерянному пристанищу шла через перевал. Завалило его снегом чуть не по пояс, хотя календарная зима ещё и не начи-

налась. Продвигался я медленно, петляя в густом подлеске и бесшумно уминая камусными лыжами податливые сугробы. О пристанище, в отличие от «базы», я знал приблизительно, и где-то в подсознании зудило: «Отыщется ли? Цело ли? А вдруг его раздавило упавшей лесной? Или развеяло по тайге пожаром?» Но тут же самоутешался: «В случае чего – вернусь на базу».

Во второй половине дня в воздухе закружились снежинки, горизонт затянуло пеленой; растаяли вершины сопки, и вскоре обвальным снегопад сжал видимое пространство до десятка метров. Ориентиры исчезли. В такой ситуации представить путевые подробности нетрудно, поэтому задерживаться на них нет необходимости. Упомяну только об одной детали. Перевал Природа устроила так, что если не держать ухо востро, обязательно свалишься в сторонний распадок.

Однако как я не вглядывался в снежную мглу, неприятности не избежал. Нужная речушка появилась лишь под самый вечер, после досадной дорожной петли и окончания снегопада. Хотя я и знал, что зимовье располагалось где-то здесь, нужно было выбирать, куда двигаться дальше. Вверх по речке? Или вниз?

Между тем надвигались сумерки, и с расчистившегося неба повеяло морозом. Нависла незавидная перспектива провертеться ночь у костра в промокшей от снега и пота одежде.

В таких случаях можно поступать по-разному: полагаясь на интуицию или жребий, искать призрачную крышу или терпеливо устраиваться на сидячий ночлег. Мой внутренний голос в тот момент молчал, и по жребию выпало – вверх. Глупо ведь не попытаться устроиться с удобством, когда есть хотя бы небольшая возможность. Жребию, в общем-то, следует доверять меньше, чем интуиции, так как он обеспечивает вероятность события всего на пятьдесят процентов, а у интуиции, опирающейся на гены и опыт поколений, шансов всегда больше.

Всматриваясь в каждую тень леса, я шёл, пока рельеф не слился в единую серую массу. По недосмотру сполз вместе с сугробом с невысокого обрыва и, когда под лыжами захлюпало, с ужасом понял, что вляпался в талик. К сырой одежде добавились мокрые чуни. Я вылез из воды и огляделся. Как назло, вокруг ни одной сушины для костра. Рыскать же в тяжёлых, как гири, лыжах – занятие изматывающее. И пока я воевал со смерзающейся на лыжах снежной кашей, встала колом одежда, закохенели суставы, пальцы рук перестали сгибаться. Включился внутренний голос, половину фраз которого проще изобразить троеточиями: «...Что делать? ...Ночевать? Ни дров, ни хрена... Нет, сначала надо согреться... Бегом, назад по лыжне... Она исключит неожиданности».

Лыжня закончилась быстро. Слегка разогревшись, я сбавил темп и весь обратился в зрение, надеясь ещё вырвать из темноты контуры воображаемой зимовьюхи. К каждому навалу снега приближался, затаив дыхание, но обнаруживал или выворотень, или бурелом.

Сказывалось десятичасовое пропахивание лыжни. Через каждую сотню метров тяжелели ноги, молотило по рёбрам сердце и требовался перекур. Но стоило чуть остановиться, как под одежду змеился колючий холод, и разгоряченное тело быстро остывало. Мягкая уютная обувь превратилась в колодки, сдавившие ступни ледяной хваткой. Нужно было табориться, разводить огонь и сушиться, пока долгая морозная ночь не отняла остатки тепла.

Я начал приглядываться к деревьям, чтобы выбрать на дрова сухую лиственницу и устроить ночной привал. Вскоре сквозь деревья проявилась светлая прогалина, чуть обширнее других лесных полян. Меня вдруг опалило: «Неспроста она здесь». Но тут же, защищаясь от возможного разочарования, подавил вспышку. Зачем обольщаться понапрасну?

Так оно и вышло. Ничего, даже отдалённо напоминающего избушку, я не обнаружил, хотя всматривал окрестности до рези в глазах. Правда, неподалёку проглянулась ещё одна опушка. И скорее по инерции, чем из здравого смысла, я двинулся к ней. Сразу за опушкой взгляд зацепился за неуловимо смутную форму, которая постепенно вырисовалась в занесённую снегом... поленницу. Никогда бы не подумал, что восторгаться можно обыкновенной кучей дров. Впро-

чем, если бы за ней через секунду не обозначился заснеженный силуэт двускатной крыши... Нет, не зря вспыхнула во мне догадка.

В тайге часто встречаются зимовья, которые только снаружи выглядят заманчиво. Внутри же оказываются разрушенными временем и непригодными для ночлега. Раздираемый предчувствиями, я раскидал снег у входа в зимовье и вошёл внутрь. Пламя спички высветило небольшую аккуратную поленницу рядом с печкой, лучину для растопки, перевёрнутую кастрюлю, чайник, банку тушёнки, спальник, огарок свечи... Если бы не девственный снег перед входом и не иней на стенах, можно было бы подумать, что избушка обитаема. Первые секунды я восхищённо осматривался, и из вороха мыслей внезапно всплыли слова почти годичной давности: «Может, оставишь что-нибудь ненужное?..»

Через час тепло разлилось по избушке, и я, разнежившись поверх спальника, вспоминал под ароматное бульканье в кастрюле бородатое Тимохино лицо и думал: «Лесной человек. Ему виднее и понятнее жизнь, чем самому великому грамотею. Он ничего не обещал, но знал, что мне будет туго, и оставил всё самое необходимое в этом заброшенном краю...»

А за стеной избушки разгулялся мороз градусов этак за тридцать. Тот, кому приходилось замерзать, знает, как приятно тепло, когда среди десятков километров зимнего леса нет ни единого прибежища. Вот и для меня, ещё совсем недавно похожего на сосульку, уют избушки был желаннее всех сокровищ мира. Вторично за день я блаженствовал. Мне хотелось продлить это состояние.

Разомлев от жары и горячего супа, я вышел в морозную тишь, запрокинул голову и замер. Касаясь верхушек лиственниц, надо мной повисла черно-прозрачная, мерцающая бездна. Она поражала воображение, как открытие, захватывала дух, как падение. И я ринулся ей навстречу. Я помчался среди неисчислимых галактик, пьянея от абсолютной воли и наслаждаясь дыханием вечности, кружась в хороводе планет и цивилизаций, тысячелетий и мгновений. Вдруг в сплетении пространства и времени пылинкой мелькнула наша голубая Земля. Вякнуло рёвом динозавров, бряцаньем кольчуг и грохотом взрывов. Мне хотелось истины, и я мчал всё дальше и дальше, пока в хаосе созвездий не истончились мысли, не переполнилась Душа. «Боже мой! Куда я? Немедленно назад: бесконечность неподвластна уму». И я рухнул в свою закоченевшую на морозе плоть. А ещё через мгновенье грелся у полыхающей печки.

Но не мог я спокойно уснуть и ещё несколько раз высказывал из избушки, чтобы вникнуть в безмолвное пророчество небывалой ночи.

Зачем ты, человечество-мгновенье? Твоё величие – не что иное, как мыльный пузырь тщеславия и гордыни; ты всего лишь субстанция материи и предназначено для производства духовной энергии, с которой начнется следующий этап Космоса... Нет, не может быть! Ум – это постоянное свойство материи, без которого Мир не имеет смысла... А вдруг Вселенная – это всего лишь ворох атомов и молекул какой-нибудь песчинки из неведомого нам Мира? Но тогда и мы топчемся по мирам, живущим под нашими ногами...

Вскоре я окончательно выдохся и, чтобы сбросить груз вопросов, завалился на нары. Напоследок дремотно промелькнуло: «Надо жить среди открытых пространств, а не в суете квадратных метров... Глядишь, и приоткроются тайны бытия...»

Странное дело, наутро от запредельных мыслей не осталось и следа. Исчезли проблемы Мироздания. Вчерашнее мудрствование вспоминалось, как сон. Я радовался искрящемуся утру, обжигающему морозу, просохшей одежде, подбрасывал дрова в огонь и пил ароматный чай. Где-то далеко-далеко, за тридевять земель, гремела музыка и кипели страсти, отказывали тормоза и шелестели купюры, рождались и умирали люди... А рядом со мной незримо витал Дух, содержащий в себе сокровенный смысл бытия. Дух лесного жителя Тимохи.

ГИПЕРБОРЕЕЦ

1

Стоит только пересечь Становой хребет с юга на север в стороне от Алданской магистрали, и до самого Ледовитого океана людей можно пересчитать по пальцам. И хотя пространства эти не так разнообразны биологически, как, например, сихотэ-алиньские, но зато те несколько тысяч человек, которые затерялись в них, ничуть не нарушают первозданности северной природы. Этот мир без денег и магазинов необычен для современного человека. И если пролететь над вздыбленным хаосом таёжных хребтов на самолёте, то с небесной высоты не увидишь ни верениц машин на автострадах, ни дымящихся заводских труб. И потому воздух здесь живителен, а вода в речках прозрачней горного хрусталя.

Вверх по одной из таких речек вторую неделю пробирался Кирьян, навьюченный двумя с половиной пудами снаряжения. Крутые утёсы, раскорячась между землёй и небом, безжалостно тискали податливую речку. Она извивалась, шумела, пенилась, стремясь вырваться из объятий неумолимых насильников, но тут же и покорялась, лаская каменные обнажения тихими плёсами. Через каждый час Кирьян останавливался поближе к речке, сбрасывал груз, пил её прохладную воду и распластывался на земле, чтобы перевести дух и успокоить грохочущее сердце. Пробирался он по самой нетронутой глуши: буреломы, скалы, жара, пот, комариный звон, отпечатки медвежьих лап в заиленных низинках берега... Один час пути – один километр, десять часов – десять километров. И хотя в течение каждого дня выходило десятка полтора коротких привалов и один длинный, обеденный, по вечерам Кирьян едва переставлял ноги от усталости. Он разворачивал карту, подсчитывал, через сколько дней достигнет другой реки, за водоразделом, и мечтал о том, что восемь бесполезных пока килограмм прорезиненной ткани превратятся там надувную лодку, а он помчится на ней вниз по течению, обдуваемый ветерком.

Если бы его спросили, зачем он забирается в глушь, он вряд ли смог бы пояснить обстоятельно. Хочется – вот и весь сказ. А почему хочется? Может, имя во всём виновато: Кирьян к ирию (то есть к раю) тянется. Хочется найти этот ирий и глянуть на него хоть краем глаза. Надоело скрипящее, как железом по стеклу, слово «цивилизация», пропитанное выхлопными газами и процентными отношениями. Нет, и не может быть ирия в насквозь просчитанном, бездушном мире... А может, не в имени дело? Может, просто пришло время, и никуда не деться от судьбы: залезешь в глушь или взлетишь в Небеса, возглавишь бунт или станешь монахом...

Вечернее небо затянуло тучами, подул ветерок, разгоняя комарьё. Бронзовые от закатного солнца склоны сопки потускнели. Стало сумрачно, неуютно. Кирьян остановился среди прибрежных глыб, сориентировался по карте, поглядывался вокруг, выбирая место для ночёвки поудобнее, и с досадой подвел итог очередного дня:

– Ну и бардак. Ни пройти толком, не переночевать по-людски.

Он сбросил заплечную ношу и принялся за устройство ночлега, радуясь, что до утра каторга кончилась, что скоро можно будет наполнить живот горячим ужином и вытянуться у костра. Это был самый приятный момент дня. Иногда он даже специально медлил, растягивая его счастливое приближение. Правда, на этот раз одно обстоятельство вызывало у него беспокойство. И не беспокойство даже, а то самое чувство, когда «нельзя, но очень хочется». Длинный крутой склон вплотную подходил к речному руслу, и Кирьян устроил ночлег в единственном приглянувшемся месте всего в метре от воды.

«А! Обойдётся...» – уже засыпая, отбросил он смутный зуд,

Однако спустя час зашумели кроны лиственниц, порыв ветра сдёрнул наспех привязанный за камень край полога, и на Кирьяново лицо брызнул дождь. Но через пять минут, устранив неполадку и накрыв костёр припасённым с вечера выворотнем, он снова уснул.

Дождь быстро перерос в шумный ливень. Кирьян проснулся и уже с тревогой посматривал на чёрную реку: не поднимается ли уровень; следил за огнём, подкладывал под выворотень дрова и ненадолго отключался, когда шум чуть стихал. И всё-таки он прозевал. Под конец ночи, очнувшись от холода, он увидел затухающие угли и бросился спасать остаток костра. С ужасом понял, что жар заливают не дождём – вплотную с кострищем плескались волны. К стоянке подкралась взбухшая река. Не зря всё-таки зудило перед сном.

На несколько минут он окаменел, переваривая свалившуюся напасть и свыкаясь с мыслью о переселении. Лезть наугад в беспросветную темень, под проливной дождь – такая необходимость случилась с ним лишь однажды, и очень давно. Но, как говорится, на одни и те же грабли можно наступить не один раз... Плеск волн у самых ног не давал время на долгие размышления. Он на ощупь собрал вещи, взвалил рюкзак и полез на склон, поминутно натываясь на сучки, поскользываясь и падая.

– Чёрт бы побрал эту темноту. Как ночью в подземелье, – вслух ругался Кирьян, пытаясь нащупать на крутом склоне подходящее место для разбивки новой стоянки. Но места не нашлось. – Нет, крошечная тьма – это не ночь в подземелье, это беспросветная глупость, – злился он на себя и на холодные струи дождя, стекающие за шиворот.

Он отгонял назойливые мысли о том, что подходящего места так и не найдётся, а если и найдётся, то рядом не окажется дерева, из которого можно раздобыть сухих дров. Ему вспомнился чей-то рассказ о рыбаке, заблудившимся во время обложного дождя, которого нашли застывшим у потухшего кострища. Это воспоминание подстегнуло его, он полез выше и вскоре наткнулся на плоский уступ размером чуть больше обеденного стола; потом он растянул над ним брезент, на ощупь отыскал и, вымеряя каждый взмах, чтобы не пораниться, срубил сухостойную лиственницу; также, примеряясь, отрубил от ствола три чурки, с горем пополам разрубил их на дрова и ещё четверть часа принимал под брезентовым навесом роды костра.

За прошедшие час-полтора, пока он обустроивал новое пристанище, холодный северный дождь промочил его до портянок. И как только он перестал махать топором, мокрая одежда сковала тело холодом. Пальцы рук утратили хваткость. Свежеструганные щепки валились в мокрый брусничник и гасили робкое пламя. После нескольких безуспешных попыток Кирьяна захлестнуло отчаяние – столько усилий прахом! Он чувствовал, как коченеет тело, как замедляется сердце, не в силах закачать кровь в сжатые стужей капилляры, как всё неохотнее, будто ржавые шарниры, поворачиваются суставы. На мгновение его охватил страх. Мелькнуло даже сожаление о том, что затеял поход на свою погибель. И, помимо воли, он взорвался. Сначала во всю оставшуюся мощь измученного тела, не стесняясь в выражениях, разразился бранью в свой адрес, потом обругал дождь, тучи, речку, ночь, мокрые дрова...

Будто бы чуточку потеплело. Иссяк поток отборного красноречия, прошла досада, и заработала голова. «Бересты бы», – мелькнула мысль и тут же испарилась за ненадобностью, поскольку он помнил, что истратил последний её кусок вечером. «Так, что там в котомке? Запасная одежда, харчи, снасти, патроны... О! Порох!.. Нет, не то. Пых – и нету... Карта, аптечка... Эх, спирта бы... Стоп! Карта, карта... Что там ещё горит? Может, от сапога резины отрезать?.. Зря, выходит, клеил, да и не загорится...»

И тут его озарило: «Клей!»

Он быстро отыскал скрюченный тюбик, негнушными пальцами выдавил половину «Момента» на кучку подмоченных щепок, поджёг и, затаив дыхание, принялся вскармливать пляшущий огонёк новыми и новыми стружками. Он чувствовал, как ледяная клешня сдавила тело, вытягивая из него остатки тепла, и понимал, что только от аленького цветочка зависел сейчас острый, как нож, вопрос: «Быть или не быть?». В крохотном огоньке билась сейчас его жизнь. И он лелеял его всем своим сознанием и волей, ждущей душой и неуклюжим телом, ограждая от порывов ветра, от потоков хляби, от угасания. Ничего в мире сейчас не существовало, кроме этого язычка пламени.

Через полчаса он, обжигаясь, припал к дымному костру; потрескивала над огнём двухнедельная щетина, слезились глаза, парила одежда.

– Нашли рыбака! Хрен вам пламенный! – громко ликовал Кирьян в адрес разгулявшихся стихий.

Отступила за край огненных сполохов холодная, тупая смерть. Жизнь, тёплая и весёлая, всё сильнее и неутомимее вливалась в тело, наполняя мозг и сердце неуёмной радостью. В бессилой злобе барабанил по брезенту дождь. Где-то внизу бесилась речка. Правда, теперь уже не утёсы крутили игривой кокеткой, а она, превратившись в разгневанную фурию, терзала их каменные мощи. Сквозь её буйство доносился грохот обвалов и глухой стук сдвигаемых потоком валунов.

Кирьян был доволен, хоть время от времени всё ещё клял себя за неосмотрительный ночлег. Всё-таки сумел он вырваться из страшных объятий, сумел в кромешной тьме на крутом откосе под проливным дождём вытащить себя из безвыходного положения. Он больше не сомневался, что трудности ночи позади, и с нетерпением ждал рассвета.

После этой коварной ночи у первых же берез Кирьян напихал в рюкзак бересты, приговаривая: «Будешь оберегать меня от беспросветной глупости...» А в полдень, разомлев от обеда и ласкового солнца, убаюканный шумом реки, он уснул, прикрывшись от комаров куском марли...

Через день скальная теснина кончилась. Отступили горы. Успокоилась речка. Под ногами появилась набитая тропа. Прибавилось комаров и прочих кровопийц, но идти стало веселей, поскольку расстояния между точками-ночлегами, отмеченными на карте, удлинились. По высокому берегу потянулась старая, местами разрушенная, изгородь из жердей. Ещё через день Кирьян заметил среди деревьев пасущихся оленей и вскоре увидел дым костра и стоянку оленеводов. Возле высокой выгоревшей палатки с задранными боковушками копошились двое детей семи-восьми лет, а чуть поодаль, среди столпившихся у дымокуров оленей, укладывали какую-то поклажу пожилой мужчина и двое парней. Залаяли собаки. Все, даже олени, повернулись в сторону незнакомца, неотрывно наблюдая за его приближением. Из палатки вышла круглолицая пожилая женщина.

Как только Кирьян подошёл к табору, женщина сердито крикнула на собак, и те, продолжая ещё влзаивать, приспустили хвосты и убавили служебную прыть. К палатке подошли мужчины. Детишки, задрав головы, с любопытством разглядывали пришельца. Он поздоровался со всеми, сбросил рюкзак.

– Один, что ли? – спросил пожилой оленевод, не скрывая своего удивления.

– Один.

– Откуда идёшь?

– С трассы.

– Далече отсюда... Дуся, – обратился он к женщине, – согрей чаю, – и снова повернулся к Кирьяну. – Давно путешествуешь?

– Вторую неделю. А вы тут оленей пасёте? – задал риторический вопрос Кирьян.

– Беда с ними. Разбегаются по тайге, не соберёшь. Грибы ищут. Завтра будем кочевать отсюда в верховья...

Через час Кирьяну казалось, что этих людей он знает давно. Общение с ними получалось непринуждённым, и после многодневного одиночества покидать табор не хотелось. Приятно было даже просто видеть рядом людей, а не пустынный речной берег. Он задержался у эвенков сначала до вечера, а затем остался и ночевать. Впрочем, он не стал бы задерживаться, если бы не шальная мысль. Путь его лежал через те же верховья, о которых упомянул Виктор (глава оленеводческой семьи). Желание хоть на время избавиться от опостылевшего рюкзака и пройти налегке, всецело завладело им. Но он чувствовал, что заговаривать на эту тему в спешке –

против правил, и поэтому отложил разговор на вечер. Когда же, опасаясь отказа, всё же задал свой животрепещущий вопрос, то услышал:

– Мешок отвезти нетрудно. А сам-то как?

– Пойду следом, – обрадовался он.

– Олени быстро ходят, не догонишь.

– Ну и что, по следам дойду. И карта у меня есть.

– До темноты не успеешь, потом следы не увидишь. Да и днём сбиться можешь. Олени кругом натоптали.

Не зная, что ответить на этот довод, но ещё не желая отказываться от рухнувшей задумки, Кирьян растерянно замолчал.

– Эх, жаль у вас не лошади, – наконец обречённо сдался он, – на оленях верхом не умею.

Виктор посмотрел на непроницаемое лицо жены, ища в нём только ему известные признаки, выражающие отношение к разговору. Не увидев протеста, попросил одного из молодых пастухов глянуть старую седлушку и вновь заговорил с Кирьяном.

– Завтра попробуешь. Оседлаю тебе смирного оленя. Ты худой, вешишь мало, выдержит. Если усидишь, считай, повезло.

Неожиданный поворот в разговоре стёр с лица Кирьяна степенность. На нём вспыхнули одновременно удивление и радость, надежда на счастливую попытку и опасение неудачи...

Утром Кирьян под руководством Виктора взгромоздился на оленя и тут же едва не свалился. Оленья шкура так лихо елозила по туловищу с одной стороны на другую, что казалось намыленной и не прикрепленной к своему парнокопытному хозяину. И всё-таки попытка удалась: новоиспеченный всадник двинулся в путь верхом. Хотя первый час езды оказался мучением. От постоянного напряжения ныла спина, болели колени. Это была не езда, а непрерывное балансирование неопытного канатоходца. Несколько раз он намеревался слезть с оленя и перейти на привычный способ передвижения. Особенно после того, как вывалился из седла. Олень перескакивал через узкую глубокую канаву и, не достав передними ногами до тверди, ухнул в воду по самую шею. Кирьян кубарем перелетел через ветвистые рога, обвешанные лохмотьями линьки, и больно о них ударился. Весь мокрый, кривясь от боли и крепко выражаясь, он рассчитывал услышать сочувствие в свой адрес. Но неожиданно услышал громкий хохот. Эвенки, не слезая с оленей, буквально покатывались. Молодой пастух, не удержавшись, даже сполз на землю, чем вызвал новую волну безудержного смеха.

– Что тут смешного? – обидчиво спросил Кирьян. И снова услышал взрыв веселья.

«Как так можно? Ни грамма сочувствия. Дикость какая-то», – кое-как опять уютившись на оленя, думал мокрый пострадавший.

Однако к концу дня всё наладилось. Тело Кирьяна расслабилось и синхронно оленьим шагам равномерно покачивалось в связке «олень – наездник». Но что особо его радовало: за несколько часов пройдено расстояние двухдневного пешего пути. И никакой усталости. Разве только седалище с непривычки побаливало.

Караван остановился ночевать, когда Солнце ещё возвышалось над лесом, и оленеводы сразу принялись за обустройство стоянки. Кирьян, прекрасно знающий ночлежные хлопоты, но не знакомый с заботами оленеводов, взялся за топор.

– Пойду, дров натаскаю для печки! – крикнул он Виктору.

– Для дымокуров сырых или гнилух притащи. Олени попасутся и прибегут, – попросил тот.

До темноты никто, кроме детей и собак, ни разу не присел отдохнуть. Развьючивание оленей, распаковка вещей, установка палатки, заготовка дров, костёр, дымокуры, приготовление ужина, и ещё десятки разных забот помельче – казалось, что и спать будет некогда. Но вот дела наконец переделаны, и перед сном, сидя в палатке у воткнутой в землю лучины с горящей свечкой, Кирьян посочувствовал:

–хлопотно с таким хозяйством.

– Без него никак. Это и транспорт, и еда, и постель. Вся жизнь на олене держится. Ты вон один, и то к нему потянулся, а семье без оленя совсем никак...

– Да, я бы пешком и половины не прошёл. Эх, мне б одного в качестве носильщика.

– Один плохо. Убежит – где искать? След не увидишь. Стадо ходит – видно хорошо. – Виктор помолчал и переменял тему. – Ты чего не говоришь, куда идёшь? Секрет, что ли?

– Да какой секрет! Хочу посмотреть на места, где знаменитый Улукиткан, проводник Федосеева, обитал. Очень он человек хороший. Человека ведь воспитывает среда. Вот и хочу на неё глянуть.

Виктор внимательно посмотрел на Кирьяна.

– Он из нашего рода был. Я его не помню, но старики говорили, обыкновенный был, как все. А места – вот они. Здесь испокон веку пас оленей наш род. По верховьям Зеи, Учюра, Алгамы. Места обыкновенные. Правда, много испортили артельщики. Золото моют, рыбы не стало в реках. Скоро, говорят, через хребет железную дорогу проложат, уголь будут добывать. Зверья не станет. Как жить будем?.. Не станет скоро среды, в которой Улукиткан жил.

В голосе Виктора не было злости на печальное настоящее и мрачное будущее. Годы научили его говорить без страстей. Однако по неторопливым жестам, по их едва заметной медлительности видно было, что будущее это не даёт ему покоя, мучает своей неотвратимостью. Не зная, что сказать, Кирьян молчал.

– На притоке Алгамы живёт охотник. Ему лет 70 уже. Раз в году его видят, когда пушнину сдаёт, припасы покупает. Остальное время живёт один. Много знает. Если повстречаешь, может, расскажет тебе чего... Ну, давай спать...

На второй день Кирьян уже ничем не отличался от остальных наездников. Он всё меньше следил за дорогой и равновесием, и всё больше успевал разглядывать окрестности. Управлять оленем не было необходимости. Привыкший во всём доверять жожаку, тот, словно привязанный, следовал за впереди идущими собратьями по натоптанной тропе. Бездельничая, Кирьян млея. Даже ликовал. Неожиданная оказия сэкономила ему силы, дала отдых, сократила расстояние. В благодарность он пытался даже отгонять от своего оленя назойливых оводов. Он восседал на спине безропотного животного, ощущая себя путешествующим князьком из далёкого прошлого, и думал о том, что ещё два дня назад его посещали чувства, схожие с чувствами бурлака.

Но хорошее всегда быстро кончается. Настало время прощания с оленеводами.

Перед второй и последней в стойбище ночевкой, сидя возле установленной на улице печки в окружении отдыхающих собак, они чаевали со свежеспечённым хлебом, замешанном на соде, и Кирьяну казалось, что вкуснее этого хлеба ничего испечь невозможно. На северо-западе гранатово отсвечивал закат, обещая на завтра ветреный, безкомарный день. Неспешно прихлёбывая из эмалированных кружек, они обменивались короткими фразами.

– За день перевалишь, а там надуешь лодку, и опять верхом.

– Как получится. Вдруг вода малая.

– Мяса возьмёшь?

– Благодарю. И так помогли. Без вас бы тащился ещё чёрт-те где. Да и ноша легче будет.

– На олене мешок свой отвези, – неожиданно предложил Виктор. – По тропе за полдня обернёшься.

– А что? – с усмешкой подхватил Кирьян, – я уже заправский каюр.

– Тогда бросай свои путешествия, и давай к нам в общину, – в свою очередь усмехнулся

Виктор. – Сидишь ты на олене безвредно. Холка у него не сбита, я посмотрел.

– Может, когда-нибудь так и сделаю... Так ты серьёзно насчёт оленя?

Виктор минуту помолчал, прихлёбывая из кружки.

– Раньше думал – покалечишь олешку... – Он снова примолк и потом, пропустив объяснения, досказал. – Мешок привяжем на выючного, а на своём верхом езжай.

Не зная, как благодарить за предложение, и всё ещё сомневаясь в нём, Кирьян забалагурил:

– На оленях – это хорошо. Но с другой стороны, почует их медведь, нападёт. Собаки нет, чтоб облаять. А тут я под горячую лапу...

– Днём не нападёт, побоится. Разве только дурной какой, – засмеялся Виктор. – Но нынче тайга не горит, и дураков нету.

– А часто здесь пожары бывают?

– Беда, как часто. Каждый год. И откуда берутся?! Как специально кто зажигает. Прошлым летом стояли, всё нормально было, а ночью неподалёку загорелось. И людей кругом не было, и молний. Будто прилетело откуда.

Молчавшая до сих пор Дуся, хлопотавшая у печки, вдруг степенно заметила:

– Олень жалко.

Кирьян с любопытством повернулся к женщине.

– Медведь задавит, жалко, – пояснила она.

– А меня? – спросил он, догадавшись, что Дуся слышала его балагурство.

– Русский не жалко.

– Почему? – опешил Кирьян.

– Русский много.

Не зная, как реагировать на такую бестактность, Кирьян опять задал вопрос. И поскольку разговор проходил в тайге Якутии, он произнёс первое, что пришло в голову.

– А якутов, значит, жалко?

– Якут много, зачем жалеть.

Кирьян растерялся ещё больше.

– Кого же тогда жалко?

– Эвенк мало.

– Ладно, – согласился Кирьян. – Я вообще один. Меня очень мало. Если медведь задавит меня, то меня совсем не останется.

– Хитрый, – обезоружила его умудрённая женщина.

– Нет, ну чем всё-таки эвенк лучше русского?

Стряпуха перевернула в сковороде содовую лепёшку и равнодушно подвела черту:

– Пришёл, ушёл. Какая польза?..

Утверждение таёжной жительницы, направленное в самую суть, расстроило Кирьяна. Да и что можно возразить, если государство создаёт такие условия, при которых русские люди вынуждены покидать Север?..

Ранним утром Виктор привёл к палатке двух оленей, и Кирьян, навьючив на одного перемётные сумы, в которые разложил содержимое рюкзака, отправился через перевал. Правда, в полдня он не уложился. Жалея оленей, ехал медленно, часто слезал и вёл их на поводу. Поэтому, когда вернулся с ними в лагерь оленеводов, идти назад было поздно. И он переночевал в их палатке ещё раз.

Расставшись с оленеводами, Кирьян после трёх дней сплава перевалил через очередной невысокий водораздел на соседнюю реку с мутно-бурой водой, петляющую между невысокими сопками. Где-то вверху, километрах в двухстах, люди бились за благородный металл, отчего вода в реке походила на кисель и воняла илом. Чтобы сварить на такой воде ужин, нужно отстаивать её несколько часов. А ухи и вовсе не сварить, потому что не поймать в загубленной реке рыбу.

К вечеру тени прибрежных деревьев накрыли реку, стало прохладно. Кирьян занервничал. Смешно сказать: плыть по таёжной реке и высматривать по берегам воду для того, чтобы сварить ужин.

Лодка ткнулась в песчано-галечную отмель неподалёку от небольшого притока. Кирьян разгрузил поклажу, вытащил лодку на берег и пошёл за водой к береговому зарослям, обозначающим устье впадающего в реку ручья. Не дойдя десятка метров, он остановился. На подсохшей песчано-илистой пропелсине, чётко отпечатались медвежьи лапы. На взрыхлённых длинными когтями краях вмятин лежали мокрые комочки песка. Свежесть следа не оставляла сомнений, и Кирьян невольно оглянулся вокруг, прислушался, хотя и знал, что медведь может быть бесшумной тенью.

– Чёрт бы его побрал, – пробормотал он, прикладывая подошву сапога сорок второго размера к отпечатку задней лапы, – точь-в-точь. Ночью, гад, может сапоги стащить...

Однако сплавляться дальше было поздно. Выбрав небольшую площадку под обрывистым берегом, Кирьян устроился на ночлег, отгородившись костром от открытого пространства.

А глубокой ночью ему приснилось, как идёт он по хрустящему снегу, удивляясь, отчего вдруг в августе наступила зима. И почему это снег не скрипит, как положено, а хрустит? Странное это явление натолкнуло на соображение о том, что вообще-то он плыл в лодке... «Стоп! Где лодка? Как же без неё?» Кирьян испугался этого соображения и проснулся.

Странный хруст снега не прекратился. Более того, он превратился в явственный хруст галечника, приблизившийся к его биваку и замерший всего в двух-трёх метрах за спиной. Кирьян оцепенел, а под накинутым на голову капюшоном энцефалитки шевельнулись волосы, мелькнула дурацкая мысль: «За сапогами пожаловал». Спиной он чувствовал слабое тепло углей, но на обрыве не виднелось ни единого, даже слабого отблеска огня. Костёр прогорел. Ни единым движением Кирьян не выдал своей осведомленности о пришельце. После нескольких секунд напряжённого затишья хруст гальки возобновился и стал ритмично удаляться. Словно гора свалилась с Кирьяна, ему стало жарко. Навалилась усталость, и он, так и не шевельнувшись, неожиданно уснул. Потом он снова просыпался, подкладывал дрова в костёр, прислушивался, но хруста галечника более не слышал. «Наверно, приснилось», – решил он. Но утром, пройдя по берегу, увидел следы, которых раньше не было и понял, что сон все-таки был явью.

2

Таёжные просторы при взгляде со стороны великолепны, будят в душе человека много прекрасных чувств, взгляд же изнутри превращает их в однообразный утомительный путь, которому нет конца. После двух-трёх сотен километров наступает момент, когда для путника самой желанной панорамой становится не безбрежная ширь или нагромождение живописных скал, а вид обыкновенной палатки с дымом костра возле неё.

Минули три недели, как Кирьян свернул с трассы на таёжную тропу, остались за спиной сотни километров, и кроме встречи с семьёй оленеводов он не встретил более никого. Он ни разу не заметил не только палатки, но и свежих человеческих следов. Встречались, конечно, охотничьи зимовья, но они обитаемы лишь во время зимнего промысла пушнины, а летом пусты. И всё равно зимовья эти радовали Кирьяна. Прежде всего тем, что являли собой, хоть и косвенно, присутствие человека. Увидев какую-нибудь крохотную избушку, приткнувшуюся возле ручья, он словно чувствовал рядом душу другого человека, вроде бы исчезало даже надоевшее безлюдье. Со слов Виктора он знал, что где-то тут, в верховье Алгамы, может встретиться жильё старого охотника и, опасаясь проглядеть его, внимательно осматривал распадки. Но всё равно встреча оказалась неожиданной.

– Эй, прохожий, почему мимо идёшь, не смотришь? – услышал Кирьян укоризненный голос.

Он отвык от человеческого голоса, и прежде чем оглянуться, сделал ещё несколько шагов по инерции, словно заново привыкая к давно не слышанным звукам. А когда оглянулся, то увидел старого лесовика с белой бородой, оттенявшей загорелое морщинистое лицо, с лёгким ружьём через плечо. Он стоял неподвижно, и от этого казался высоким замшелым пеньком. Одевание его так притёрлось к окружающей местности, что непонятно было, какого оно цвета и из какого материала выкроено: то ли из сукна, то ли из шкуры, то ли из куска выделанной каким-то особым способом древесной коры. Кирьян поднял руку, приветствуя старика.

– Да вот, сказали, что здесь обязательно человека встречу, – пояснил он, подходя к старику и здороваясь.

Старик оживился. В глазах его спокойных, как лесное озеро, словно пробежала рябь от лёгкого ветерка.

– Человек – это я, дед Митяй. Других нет. Раз так, тогда айда в гости чай пить, знакомиться. Тут рядом, час ходу.

Пока они шли к обители старика, тот поведал, что узнал о его приближении ещё вчера вечером, и сегодня вышел поглядеть, кто пожаловал. Кирьян остановился и изумлённо спросил:

– Вы что, провидец? Или колдун?

Дед хихикнул.

– Ты вчера ужин как варил? На костре?

– Да. Как же ещё?

– Дым от костра как шёл?

– По долине стелился... – Кирьян, осенённый догадкой, замолчал, но тут же, невольно перейдя на «ты», недоверчиво спросил: – Неужели почуял дым на таком расстоянии? Ведь час ходу – это километров пять.

– Собаки мои морды вытянули; глядя на них, и я принялся. Когда тайга не горит, дым издалека можно почуять.

– А как узнал, что в эту сторону иду? И где собаки?

– Кто здесь бывает, все через меня проходят. До тебя давно никем не пахло. Знать одна дорога у тебя, через меня. А собак привязал, чтоб скрытно глянуть. Мало ли кого несёт.

Кирьян лишь согласно кивнул в знак восхищения очевидной простотой его рассуждений, вспомнил об Улукиткане, сравнил с ним деда Митяя, и вдруг оказалось, что место, где родился прославленный эвенк, расположено неподалёку, хотя стойбища уже давно нет. Но в дне пути от исчезнувшего поселения есть избушки, оставшиеся от геологической партии. В одной из них и обитал одинокий старожил местности.

Три приземистые бревенчатые избушки прилепились на высоком берегу реки, обратясь окнами на величавый таёжный простор. Многие сотни километров отделяли эту местность от суетливого прогресса. Казалось, что вообще нет этого прожорливого и нервного слова. Есть сверкающий зимним нарядом островерхий Становик над пожелтевшей тайгой и приветливый хозяин уютного таёжного пятачка. Две рослые лайки, завидев старика, обрадовано завертели хвостами, а когда тот отвязал их, сразу принялись обнюхивать Кирьяна, не проявляя ни малейшего признака агрессии.

– Чего они не лают на меня? Я ж чужой, – удивился он.

– Ты со мной пришёл, значит свой. Они лайки, а не пустолайки.

Старик споро развёл огонь, повесил над ним чайник, вынес из сеней убитую утку и принялся её ощипывать.

– Хорошо здесь, вольно, красиво. Одна беда, далеко. Трудно добраться, – поделился Кирьян первым впечатлением.

– Какая ж это беда?! Наоборот, повезло, – возразил старик. – Я, бывает, сяду на бревно, смотрю и не могу насмотреться. Лет через сто таких непо потревоженных углов не останется.

– Что будет через век, даже через полвека, одному Богу известно. Может, вообще ничего не будет.

Дед Митяй усмехнулся.

– То-то и оно. Я иной раз радио настрою, послушаю и радуюсь, что остаток жизни здесь проходит. Людей только жалко – всё про экономику судачат, будто ничего другого на свете нет.

– А про что ещё, если там всё от неё зависит?

– Голая выгода, она, как лампочка. Светит, а не греет. Люди ж не машины, в них души вложены. Вымрут без тепла, как мамонты.

– С деньгами доступно любое тепло. Хочешь – Египет, хочешь – Индия.

– Да не про то я, – поморщился дед. – Ясно, что без денег не проживёшь. Только надо так: срубил – посади. А для этого Душа нужна. Давай чай пить, – пригласил он, снимая с тагана забулькавший чайник.

Разговор переключился на охоту и рыбалку, без обсуждения которых не обходится ни одна таёжная встреча. После нескольких обычных для этой темы воспоминаний дед Митяй перевёл разговор в конкретное русло.

– Сегодня вечером поставим сети, а ночью косы обведём. Запастись на зиму надо, да и тебе в дорогу не помешает. Пару дней уделишь старику? – спросил он.

Гостеприимство и бесхитрость деда Митяя, необходимость определить дальнейший путь и отдохнуть перед дальней дорогой, и особенно прозорливость хозяина о невысказанном желании пополнить съестные запасы – всё это вызвало в Кирьяне абсолютное согласие с его предложением.

– Тоже мне, старик! За таким стариком молодому не угнаться, – начал он говорить лестные слова, но дед недослушал.

– Эх-хе... ты, видать, на собраниях любишь выступать?

– Почему? – смутился Кирьян.

– Ты вот пришёл сюда своим ходом и выбираться будешь также. А я своим ходом уже не смогу – силы не те. Вот и выходит, что мне за тобой не угнаться, и слова твои пустые, трибунные. – Заметив смущение гостя, дед добавил: – Я сам такой был, когда должности занимал.

– А кем был-то? – поинтересовался Кирьян.

Тот неохотно буркнул:

– Да так, исследовал, заведовал.

Кирьян присвистнул.

– Значит, бывшее начальство, ещё и учёное. А как сюда-то попал?

– Долго рассказывать, да и незачем. Мне здесь хорошо, а там, – он неопределённо махнул рукой, – худо. Остальное уже не имеет значения... Ты скажи лучше, откуда узнал, что здесь живая Душа обитает. Охотники ведь только в конце сентября появятся в тайге, – переменял он тему. – Наверное, Витьку повстречал?

– Опять в яблочко. Зачем спрашиваешь, если знаешь? – удивился Кирьян в очередной раз и рассказал хозяину о встрече с оленеводческой семьёй.

Старик с интересом выслушал и довольно усмехнулся.

– Мы с ним соседи. Другие все ближе к посёлку жмутся, а мы с ним, наоборот, подальше. Мы с ним одинаково на мир глядим, хоть виделись всего дважды. И ты вот, раз в такую даль без дела полёрся, тоже ищешь его.

– Кого?

– Взгляд на Мир.

– А почему же без дела-то?

– Ну, на рыбалку или охоту так далеко не забираются. В экспедиции по одному не ходят, да и сдохли экспедиции при перестройке. Туристы, те тоже табунами шастают. На кустарей-одинок, что золотишком балуются, ты не похож. А больше дел в тайге нет.

– Может, я журналист, собирающий материал об Улукиткане?

– Э-э... Этих я повидал. Они там, где людно.

Кирьян развёл руками, сдаваясь.

– Всё, просветил насквозь. Тебе бы предсказателем быть где-нибудь в крупном городе, как сыр в масле катался бы.

Дед хмыкнул.

– В обществе зрячих не бывает. Мудрецы ведь не зря удалялись. А те, что в городах предсказывают, просто подмечают схожесть явлений. Или жульё, которое носится по пространству, как пыль. Через что летит, тем и живёт.

– Значит, ты мудрец! – с пафосом произнёс Кирьян.

– Опять на трибуну полез, – чуть укоризненно одёрнул гостя хозяин. —Так и быть, покажу тебе утром кое-кого...

Они пили чай, заваренный на чаге с листом моховки, потом, пока варилась утка, топили насквозь пропахшую копчёным духом уютную баньку; после наваристой утиной похлёбки, дед Митяй принялся готовить сети к предстоящей рыбалке, а Кирьян окунулся в банно-прачечные хлопоты. Он постирал одежду, развесил её сушиться, потом поплескал на раскалённую каменку горячей воды и принялся хлестать веником из кедрового стланика соскучившееся по бане тело. Докрасна распаренный, он трижды выскакивал из бани, бросался в холодную реку, а после голый стоял на берегу и, наслаждаясь, глубоко вдыхал вкусные таёжные запахи и ощущал себя лёгким и прозрачным, словно растворённым в воздухе. Расслабленный и счастливый пришёл он в избушку.

– Хлебни чайку и ложись отдохни, – приказал хозяин избы, указав на дощаные нары, усталые оленьей шкурой, – а то ночью резвости не будет. Я ещё чуток повожусь и тоже вздремну...

Часа через три старик растолкал крепко уснувшего гостя.

– Хоть и жаль тебя будить, да раз собрались, деваться некуда.

Кирьян кивнул в ответ, оправдывая свою сонливость:

– После спячки у костров, да после баньки – как дома. Красота!

Они неторопливо собрались и когда тени деревьев вытянулись к горизонту, спустились к реке, перевернули просмоленную дощаную плоскодонку и стащили её на воду.

– Мотора, что, нет? – поинтересовался Кирьян.

– Лет пять уж без него обхожусь. Да и когда был, почти не пользовался. Воды здесь мало. Весной да после дождей только в самый раз.

– Неужели на вёслах плаваешь?

– Где веслом, где шестом, а где и хребтом.

– Не, дед, зря ты меня в трибунстве обвиняешь. В твои годы мне бы с печки на полати перелезть без приключений, а так... – Кирьян запнулся, подыскивая слова, и, не найдя, спросил: – А сколько тебе? Виктор говорил, семьдесят.

Дед Митяй сложил сети в нос лодки, пристроил в корме пятидесятилитровый бочонок, и потом ответил:

– Вот пока ты в силе, значит, и таскай её на привязи. Я шестом буду нос от берега направлять. Тут до улова вверх триста метров. Там сетки поставим, а потом сплавом пойдём, сколько успеем. А назад уж – как солнце встанет... А годков мне по весне семьдесят три стукнуло...

На берегу заводи дед Митяй попросил Кирьяна разжечь костёр, и пока тот рубил дрова, разводил огонь, в одиночку и точно к темноте расставил сети.

– Одному ловчее ставить, приноровился, – пояснил он, присаживаясь к костру. – А пока подождём. Пусть рыба выйдет ночевать на мелководе. Сейчас, правда, мало её, хариуз скатываться начнёт через месяц. Но тогда с сетями маета – забивает листом, хвоей; вода холодная, руки крутит; сейчас подловим, глядишь, меньше мёрзнуть придётся.

– Знаю, приходилось, – согласился Кирьян. – И косы обводил. Однажды попалась рыбина. В темноте не разобрать. По длине вроде ленок, но шире, по ширине будто бы сиг, но форма не та, по форме хариус, но чересчур велик. А возле костра разглядели – ахнули. Хариус! Никто из нас такого великана не видал, весь фиолетово-чёрный, верхний плавник с ладонь. Килограмма под два.

– Здесь таких нет. Не вырастают. А когда на должностях был, ловил.

– Дед, а из-за чего хоть ушёл-то с хлебных мест?

– Разладилось. Устал от криков «ура!» из болота.

– Уволили?

– Сам ушёл... Ладно, слушай, всё равно ждать... Ещё в «застойные» годы пришла мне разнарядка из горкома выделить технику и людей на уборку урожая. А тогда бытовала на любой работе строгость: план – кровь из носу. И если помнишь, битва за урожай – это была икона партийной власти, а план – ведомственная икона. Я был беспартийным и разнарядку оставил побоку. Меня вызвал на «ковёр» председатель исполкома, мэр по-нынешнему, а там таких, как я, набралось десятка два. «Почему не выполняете?» – вопрошал тот каждого. Помню, один директор союзного подчинения спросил: «Как быть: нарушу приказ министра – отберут портфель, не подчинюсь вам – партбилет отберёте?». «Выбирайте сами, но без партбилета отберут и портфель, а с ним не всё потеряно», – ответил председатель... Мне бояться было нечего, масштабы не те, и я опять не выполнил разнарядку. Через день меня вызвал на «ковёр» сам босс горкома. На этот раз я оказался в одиночестве. «Я вам карьеру испорчу, я вас в двадцать четыре часа...», – начал он с места в карьер. «Пожалуйста, буду признателен», – огорошил я его. Но калач он был тёртый и сходу перешёл на мирные рельсы. Он выведал, что повлиять на меня может только начальник главка, тут же попросил телефонистку соединиться с ним, изложил ему всё, что обо мне думает, а потом протянул мне трубку. «План или разнарядка?» – спросил я начальника. Тот начал говорить и про то, и про другое, прекрасно понимая, что это несовместимо. Само собой, всё кончилось в пользу разнарядки, а через несколько месяцев я уволился, потому что начали пилить за план.

– А галочку не мог поставить?

– Поставил раз, а потом подумал, что живу я не на вражьей, а на своей земле, и больше не стал.

– Да-а... – вздохнул Кирьян. – Застой, перестройка, реформы, и когда только жизнь наладится?

– Не наладится, пока Русью помыкают тёмные силы.

– Чиновники, что ли?

– Длинный это разговор. Давай, лучше начнём потихоньку. Ночь нынче тёмная, добычливая. С той стороны, сразу за уловом первая коса. С неё и начнём.

– Мне по берегу или в лодке?

– Говоришь, обводил... Это хорошо. Тогда садись на весла, следи только, чтобы сетка не сильно натягивалась. А крикну, быстро к берегу приставай. И сразу выскакивай со своим краем, как лодка мели коснётся.

– И край не заирать, пока на урез не выйдет, и лодку подтянуть.

– Значит, вправду знаешь... А устанешь, поменяемся...

Ночная рыбалка удалась. В тридцатиметровую наплавную сеть на каждом замёте попадалось по две-три килограммовые рыбины, и километра через три, когда сеть наткнулась на топляк и в ней образовалась обширная дыра, бочонок оказался почти полным. Кирьян, снимая сеть с зацепа, вымок.

– Хорош! Давай сушиться, ждать утра, – скомандовал дед и сокрушённо добавил: – И как я, старый пень, забыл про этот дрын? Ну, да ладно, не велико горе, тебя просушим, а сеть починим.

Пока Кирьян снимал и выкручивал одежду, старик наломал сухих веток, разжёг рядом с лодкой огонь, и вновь отправился за дровами. И не успел Кирьян как следует пристроить у костра мокрые штаны и портянки, над огнём уже висел котелок с водой, из которой торчали рыбы плавники.

– Ну вот. Сейчас отдохнём, подкрепимся, а как светать начнёт, сходим в одно место. Тут недалеко.

– А когда сети снимать?

– Зачем снимать? Проверим, выберем улов, протряхнём, и пусть стоят. Я только в дождь снимаю, и когда лист падает... Сегодня рыбу почистим, засолим, через сутки нарежем тебе балыка и повесим коптить, а ещё через двое – можно складывать в торбу... Днём я наплавушку заштопаю, а ночью ещё порыбачим.

– Мне много не надо, а то от рюкзака такой дух пойдёт, что за мной медведи охотиться начнут, – и Кирьян начал рассказывать о ночном госте с лапами сорок второго размера.

– Ты сюда сколько добирался? – перебил дед.

– Три недели.

– И выбираться не меньше будешь. Одного балыка, конечно, мало. Напечём лепёх, мукой я запасён. Сахару дам немного.

– Спасибо, дед. Но у тебя магазинов нет, так что...

– В дороге – где поймал, где подстрелишь, а без запаса за спиной в дальний путь не ходят, – не обращая внимания на слова собеседника, продолжал старик. – Или думаешь, раз русский дед живёт отшельником, то и Совесть от него отошла?

– Что ты! – возразил Кирьян, испугавшись, что обидел хозяина отказом.

– Да не волнуйся, – будто читая его мысли, успокоил старик. – Я пекусь ведь и о себе, чтоб рыбой заpastись... Зима длинная, корм и себе, и собакам нужен; на приманку ещё... А медведь к тебе ночью пришёл, потому что ты спать на тропе улёгся. У меня был такой случай. – И старик ловко перевёл разговор на охотничью тему...

Из темноты проступили смутные очертания противоположного берега, Кирьян снял с рогулин подсохшую одежду, оделся, а дед Митяй посмотрел на небо, на склон долины и сказал:

– Пора. Тут километра не будет, залезем на обрыв, поглядим.

Они поднялись на обрыв с торчащим над лесом скалистым останцом, вышли на открытую площадку и остановились. В реке тускло отражались посветлевшие Небеса. Широкая долина плавным изгибом уходила в таинственную даль, по которой тащился ещё, цепляясь за впадины и расщелины, шлейф ночи. А изломанный горным хребтом горизонт уже красился зарёй, гоня прочь серость сумерек. Они повернулись к пробуждающемуся дню, восстанавливая дыхание после подъёма. И тут из-за хребта выглянул краешек Солнца. Его луч, ещё тусклый и сонный, скользнул в паутину, сплетённую между лиственницей и кустом стланика, и словно запутался в ней; заискрились, переливаясь радужным светом, капельки росы, превращая прозрачное кружево в бриллиантовое ожерелье. Оттенённые рассветом и придавленные к земле утренней прохладой, застыли в распадках полосы тумана. Дед Митяй, только что тяжело дышавший, вдруг замер и тихо произнёс:

– Здравствуй, родимый.

Кирьян стоял рядом, переводя взгляд то на нерукотворное ожерелье, то на всходящее Солнце, то на меняющийся пейзаж, каждую минуту открывавший новые детали, словно на огромном куске цветной фотобумаги, а когда услышал слова старика, повернулся к нему.

– С кем это ты здороваешься?

– С нашим живым родителем. – Дед поднял руку навстречу солнцу. – Я каждое утро с ним здороваюсь, даже сквозь тучи. Свету радуюсь.

– Так ты язычник?

– Солнцепоклонник. Солнце, Бог Ра, по-нашему Ярило или Дажь-бог, – это явленный нам Род, который сотворил Вселенную и жизнь на Земле.

Кирьян, озадаченный, замолчал. Он никак не ожидал таких слов.

– Вот его я и хотел тебе показать, – напомнил дед Митяй своё обещание.

– Восход Солнца я видел не раз, хотя вид здесь, конечно, захватывающий... – начал Кирьян, но вдруг переменял тему. – Странно, ты был педагогом, был при власти, и после всего – слова о Боге...

– А что тут странного? Власть, политика, экономика – это всего лишь тактика нашей жизни; выше них – стратегия. Стратегия – это Дух. Он всем управляет. И не Богу, а Роду, истинному свету, утраченной идее поклоняюсь я, – пояснил дед Митяй.

– Раз идею потеряли, значит, нашли более совершенную.

– Да, – ухмыльнулся дед, – и не одну. Буддизм, иудаизм, христианство, ислам, атеизм и ещё вагон и маленькая телега разных идей. Вот послушай притчу, которая кое-что тебе объяснит:

«В далёкой древности на Крайнем Севере жило племя людей. Как они жили – хорошо ли, плохо ли? Сказать можно и так, и эдак, потому что днём им было хорошо, а ночью плохо. Ночь там длилась полгода, люди племени так скучали по Солнцу, что когда начиналась заря, они устраивали празднества в честь зарождающегося дня: пекли блины, похожие на Солнце, наряжались медведями, которые как раз к этому времени просыпались после долгой спячки. И весь день, пока Солнце – тоже полгода – кружилось над горизонтом, был для них наполнен кипучей деятельностью. А когда опять наступала ночь, они начинали ждать следующий день, вспоминая о радостях прошедшего. Так родилось у них почитание Солнца и Света. И стали они солнцепоклонниками, детьми Света, светлыми людьми, людьми с белой кожей.

А в другой земле, где Солнце появлялось в небе 365 раз в году и не висело над горизонтом, а светило так, что нужно было прятаться от палящего зноя, жило ещё одно племя. Там круглый год было жарко, людям этого племени не нужна была одежда, и вокруг зрело полно разных плодов – протяни только руку и живи дарами, поэтому они не работали, а прятались от Солнца. И очень радовались, когда оно уходило за горизонт и наступала прохлада. Они по ночам били в барабаны, танцевали, пели песни и срывали с ветвей спелые фрукты. Они любили ночь и оттого стали поклонниками темноты, людьми с чёрной кожей.

Однажды на белое племя свалилось несчастье: вся земля вдруг покрылась толстым льдом, вымерзли стада мамонтов, дававшие пищу, не стало дров для обогрева – и оно вынуждено было уйти с родной земли туда, где Солнце появлялось 365 раз в году. Они быстро освоились и благодаря своему трудолюбию и смекалке стали жить лучше чернокожих аборигенов. Однако от изобилия у некоторых белых закружились головы, и они стали пренебрегать опытом Предков, стали копировать жизнь аборигенов, и даже породнились с ними. От смешанных браков появилось потомство, которое странным образом унаследовало ум и смекалку от северных родителей и привычку жить дарами – от южных. Новое племя многократно размножилось, поскольку не работало, а жировало на благах, созданных другими. Но вскоре наступил момент, когда содержать многочисленное потомство психологических мутантов стало тяжело, и их прогнали. Очень обиделись мутанты.

Они возненавидели солнцепоклонников и Свет, которому те поклонялись. А поскольку они хорошо знали Веру, дававшую силу белым людям, то переделали её под свои потребности. Они придумали своего бога, объявили себя его избранниками, а всех остальных людей объявили рабами, предназначенных создавать блага для избранных. Они стали поклоняться пустоте и насаждать искажённую религию. Они платили коварством за проявленное к ним дружелюбие встречавшихся племён и многих истребили. Однако белые люди продолжали поклоняться Солнцу. И тогда появился тот, кто сказал: я есть Свет. И белые люди потянулись к нему, поскольку любили Свет. Постепенно они стали забывать своих Богов, потому что «свет» назвал

своё учение истиной и пообещал людям неземные блага после смерти, если они будут следовать его заветам. А через много поколений появился ещё один вождь, который Свет объявил тьмой, и дети Света вовсе отвернулись от Солнца и перестали сопротивляться тьме».

Дед Митяй замолчал. Над утренней тайгой плыла необыкновенная гармония тишины и покоя. Кирьяну на миг показалось, что никаких слов не звучало, а мелькнула в пространстве просветлённая солнечным лучом Правда. Ему захотелось оказаться среди людей и открыть им такую простую и очевидную причину их страданий. Он повернулся к старику, посмотрел на его изрезанное морщинами лицо и, ещё сомневаясь, спросил:

– Значит, это Иисус сбил нас с пути?

Старик взглянул на Кирьяна, как на нерадивого ученика.

– Представь, что ты веришь в него, и услышал эти слова... Он просвещал, но силы тьмы никогда не примут его учения. А раз так – расти надо из древних корней, которые только что на наших глазах прогнали тьму.

– Но из твоей притчи выходит, что оледенение – следствие того, что Род отвернулся от поклонявшихся ему людей. Им ничего не оставалось, как искать другое прибежище, а вместе с ним и другого покровителя и защитника.

– Оледенение – это испытание. Каждый знает, что в гостях хорошо, а дома лучше. Души белых людей ушли в гости, да так и остались там. И страдания их будут до тех пор, пока они не вернуться домой, к Роду.

– И ты держишь эту истину в себе?

– Тебе сказал и другим говорил. Только всё это, – дед махнул рукой, – хорошо здесь, там, в суете, никому не нужно. Есть истина Света, есть истина Тьмы. Там, в городах, день заполнен наживой для тел, для обогащения душ его не хватает, и остаётся ночь с фонарями, призрачная близость. Потому люди там тёмные, разобщённые, друг другу чужие.

– Как же тогда Любовь? Ведь существует брачная ночь, а не брачный день. От неё начинается жизнь.

– Под покровом темноты свершается не Любовь, а таинство зачатия жизни. Любовь рождается при Свете, потому что это выбор партнёра для свершения таинства. Люди не творят человека, а всего лишь продолжают творение Рода. Они инструмент Рода... испорченный в нынешнее время.

– Ну вот, – разочарованно произнёс Кирьян, – только что ты влил в меня силу, а теперь забрал обратно.

– Если люди объединятся не по утопиям, а по древнему родству, то станут сильными.

– Нереально это в наше время. Кто знает это родство?

– Взгляни на Ра. Стоит ему чуть приблизиться, и мы станем проклинать его. Или вообще всё исчезнет. Но Ра стоит на месте. Тысячу раз правы наши Предки: нет ничего важнее Солнца. Это истина. Всё остальное вымышлено людьми. Род, проявлённый в Ра, наш древний корень.

– Но ведь Ра – это вроде египетский Бог.

– Верно. – Дед Митяй повеселел. – Египтяне, шумеры, индийцы – все они и есть отпрыски наших древних Предков. Но они все ушли далеко от своей земли, смешались с аборигенами, а мы с тобой остались рядом и сохранили самое главное – гены. Вот он Север! – повёл он рукой вокруг себя. – И Волга наша в древности звалась Ра. Ты слышал о Гиперборее?

– Это что-то из греческих мифов?

– Это греческие мифы из неё, а не она из мифов. Когда вернёшься домой, найди, почитай, очень многое станет понятно. Это наша северная Прародина.

– Теперь-то уж обязательно найду, зацепил ты меня. Теперь, пока не докопаюсь, не успокоюсь. – Кирьян одобрительно посмотрел на деда Митяя. – Как встретил тебя, так не перестаю удивляться: то одно, то другое. Необычный ты.

– Дух здесь другой, потому и удивляешься.

– Это уж точно. Другой. Оленеводы вон приняли к себе, а когда чуть не убился, так вместо сочувствия – смех до упада.

Старик с досадой покачал головой.

– Они увидели, что тебе помощь не нужна, и показушничать не стали. Смех – это древнейшее средство помочь остаться целым. Или ты не старался потом изо всех сил, чтобы не стать посмешищем? А раз старался, значит учился. Ладно, пошли к лодке, – он повернулся и начал наискосок спускаться к реке.

– А ещё, – догнав старика, пожаловался Кирьян, – жена его, Дуся, сказала, что русских ей не жалко, – и пересказал свой диалог с ней.

Старик хрипло расхохотался, остановился и, вытирая выступившие слёзы, сказал:

– Ну, рассмешил. Ай да Дуся! Амазонка! Жаль, не знаком... Сразу видно, что женщина за свою землю переживает... А может, приходит время женщинам командовать, раз казаки ослабли? А? Как думаешь?

Кирьян пожал плечами, мол, на неожиданные вопросы ответ сразу дать невозможно, и двинулся вниз. Они больше не касались древних верований. Весь путь до жилища деда Митяя они обменивались короткими фразами, необходимыми при проводке лодки по реке. И только когда остановились возле избушек, Кирьян, старательно подбирая слова, признался:

– Я понял, почему мне нравится Улукиткан... В городе незнакомого человека с улицы вряд ли кто пустит на ночлег, даже если тот попросится. В лучшем случае – только за деньги... Я Виктору ничем не платил, да и разговора об этом не было. Он давал, я брал... Он творил добро и ничего не просил взамен. Ты вот тоже заботу проявляешь. И Улукиткан такой же... Давать – это Свет, а брать – тьма.

Дед Митяй с улыбкой посмотрел на Кирьяна.

– Редкие слова сказал... Значит, не зря посетил эти края.

– Это ещё не всё. Если всё время давать, значит, приучать жить дарами, воспитывать тех самых мутантов, о которых ты сказал в притче... Здесь, на таёжном севере, дары имеют ту меру, которая не переходит границу добра, то есть человек не привыкает к ним и остаётся самим собой. Психика здесь не меняется на дармоедческую. Здесь невозможно брать больше, чем дают, и можно взять только то, что позволяет Совесть. Здесь и сознательно, и подсознательно проявляются первородные, а не извращённые понятия о человеческих отношениях. А там, в городах, особенно при власти, и дать, и взять можно очень много. Там нет меры. Там питательная среда для мутантов... И надо, чтобы первородные понятия вернулись к людям... Правда, этот путь гораздо длиннее пути в эти края.

– В самую точку попал! – воскликнул старик. – «Бери, да знай меру», говорили наши деды. Вот тебе и ключ к разгадке. «Меру» – это священная гора нашей северной Прародины. Олимп и прочие пантеоны придуманы после. Пока помнили Меру – Душа человека оставалась светлой, а когда забыли – стала загадочной. Помнить Меру – вот что надо прежде всего... Порадовал ты меня. Значит, ещё есть надежда... Ну, давай выгрузим бочонок, чтоб не таскать зря, да сходим сети проверим.

Они вытащили ночную добычу на берег и не торопливо повели плоскодонку вдоль берега, перекидываясь словами, связывающими их, ещё вчера не знавших друг друга, в родственный союз.

Кирьян шёл и чувствовал, как Душа его заполняется чем-то важным, чего не хватало ему перед дальней дорогой. И сама дорога, вначале такая зыбкая, неподатливая, казалась теперь надёжной твердыней, приведшей его к цели. Ему показалось, что он шёл сюда ради встречи с дедом Митяем, ради того, чтобы познакомиться с оленеводческой семьёй Виктора, и теперь, после поисков и преодолений, он наконец обретает недостающее звено в цепи мировоззрения. И хоть та жизнь, что отгорожена сотнями километров, не изменится от состояния его Души и даже будет стремиться разорвать это звено, смотреть на неё будет проще, потому что он

знал: семя, заложенное в человеке, прорастает и даёт всходы. А значит, будут опять семена и снова будут всходы. И когда зазеленеет поле, наступит то время, которое он начал искать в глухих закоулках тайги. Тогда соединятся зелёные ростки с древними корнями, нальются силой и потянутся к Свету, который сметёт тьму. И тогда откроется путь к ирью.

ПЕРВОБЫТНОЕ ЭХО

К верховьям реки Илистой (Лефу, по-старому), против ожидания, добраться оказалось совсем несложно. Два часа езды от Владивостока и часов десять пешего хода по Шкотовскому плато. Вначале, правда, Федот взмок и решил, что раньше чем за два дня к водоразделу не дойти. Слишком уж крут оказался подъём на плато. Да и полновесный рюкзак давил «на все сто». Не бодрила даже утренняя прохлада последней декады сентября. Но потом, на ровном, зашагалось легко и быстро. Словно по заказу в нужном направлении пролегла заброшенная лесовозная дорога. И хотя местами она кисла от грязи или тонула в хлябях, за день остались за его спиной около трёх десятков километров. Под конец дня на разбитой колее повстречались даже несколько отпечатков тигриной лапы и длинная дорожка косолапых следов медведя. Надоело, видимо, топтыге лазать буреломами. Но старая дорога и огорчала: когда в лесу появляется большегрузная техника, то звери в нём вскоре исчезают.

Уже в сумерках, прямо у дороги, Федот сбросил ношу, размял натруженные мышцы и, сверяясь с картой, осмотрелся. В окружении густого леса, пахнувшего пожухлой листвой, лишь пологий склон указывал на то, что плато заканчивается и начинается водосбор северной ориентации. А это означало, что вот они, некогда таинственные истоки Лефу, где немало лет прожил известный таёжник Дерсу Узала. Хотя теперь, иссечённая лесосеками, превращается тайга в древесину. По просекам уходит в прошлое и таинственность...

Федот любил приморскую осень. Да и кому она может не понравиться? Прозрачная, сотканная из многоцветья сочных красок, она напоминала этим многоцветьем, что сошлись на приморской земле растения различных эпох, что у каждого из них не только своя форма, но и содержание, биохимически связанное с эпохой зарождения. Это вам не северные края, где ледниковая революция стёрла с лица Земли даже мощных мамонтов, насадив вместо буйства растительности суровое однообразие. А если приморскую осень обрамить синевой океана, ярким солнцем и голубым небосводом, то сказать можно только одно: та неделя, в течение которой Бог раскрашивал Мир, приходилась на конец сентября, а палитрой его, несомненно, являлся Сихотэ-Алинь.

Сколько помнил себя Федот, его всегда тянуло в лес. И он не упускал случая, чтобы сходить за орехами, ягодами, грибами. С грибов-то и началась его тяга к лесу. Будучи ещё шестилетним мальчуганом, он нашёл под разлапистой елью огромный боровик. В памяти это навсегда связалось с радостью открытия, а лес представился кладезем тайн, хранящихся под кронами деревьев.

Но с находки под ёлкой началась только осознанная тяга, а её подсознательную, глубинную основу заложил в Федота древний Предок по прозвищу Зоркий Глаз. Предку этому не сиделось в безопасной пещере. Не нравилась ему бытовая сварливость племенных будней. Он не одобрял многих правил и обычаев пещерной жизни. Появляясь ненадолго, он быстро уставал от высокомерия вождя, от жадности его жён и родни, а потому снова вооружался копьём и на много лун исчезал в чащах, добывая для соплеменников сведения о пастбищах и тучных стадах. И оттого в нём зародился бродячий ген, который, проскользнув через тысячелетия, застрял в Федоте.

Но Федот, подчиняясь требованию своего времени, четверть века послушничал в лабиринтах многоэтажных «пещер» и тем самым не позволял бродячим флюидам вырваться наружу. И всё-таки дремлющий ген, как и должно было однажды случиться, очнулся, выполз из глубин подсознания и слился с осознанной тягой. Повинуясь непреодолимому желанию, потомок Зоркого Глаза купил атлас географических карт Приморья, долго сидел над ним, изучая ближайшие окрестности, которые помогли бы утихомирить настырный ген. И в результате

оказался здесь, в истоке Лефу, где когда-то устроил плантацию жень-шеня знаменитый ныне Дерсу...

Ночь стремительно вытесняла из леса остатки сумерек, словно фитиль в керосинке закручивала. Федот принялся торопливо заготавливать дрова. Из-за постоянной приморской сырости в чашах мало топлива, пригодного для ночлежного костра, и всё же, несмотря на запоздалую остановку, он успел натаскать под пышную ель сносных валёжин. Пока разрубал полусухие стволы и ветви на чурки, оборудовал стоянку, варил и ел ужин, в прорехах крон засверкали звёзды.

Покончив с делами, он снял сапоги, развесил вблизи огня пропотелые портянки, осмотрел натёртые ступни и расслабленно вытянулся на синтетическом коврик у дымного костра. «Дровишек бы ещё... но как-нибудь дотяну до рассвета...», – устало отметил Федот и неспешно переключился на созерцание окружающей обстановки. Еловые ветви над головой да несколько близстоящих деревьев в бликах костра, за которыми громоздилась непроглядная темень, – вот и всё, что удалось ему рассмотреть. Он попытался отыскать на тёмном небосводе знакомые созвездия, но увидел сквозь лесную завесу только разрозненные мерцающие точки. И всё равно, наслаждаясь тишиной и новизной обстановки, подумал о них: «Сколько таинства! Такие маленькие, но так огромны, так далеки, а указывают путь. Неподвижны, но мчатся неведомо куда, излучают свет, но, возможно, уже мертвы... И дают возможность ощутить себя одновременно глупцом и мудрецом, нищим и владыкой. А главное, успокаивают Душу, исцарапанную в бестолковой людской суете».

В отдалении треснул сучок. Федот мигом слетел с Небес на Землю и обратился в слух.

В то время, когда в Зорком Глазе зарождался бродячий ген, девственные леса кишели саблезубыми опасностями. Чтобы сохранить этот ген для Федота, Предку необходимо было остерегаться кровожадных страшилищ. Так в нём появился ещё один ген – ген страха. Федот, правда, не затрясся от страха, поскольку знал, что сучок может треснуть под безобидным зверьком или ночной птицей. Однако из-за того, что зрение в темноте слепо, а нюх рядом с едким дымом и вовсе не «видит» дальше носа, слух становится единственным «зрячим» органом, но он не может определить причину тревоги...

В той стороне, где треснуло, вдруг вспорол тишину протяжный рёв изюбря. «Наверно, метров триста-четыреста. Неужели костра не чувствует?» – удивился Федот. На призыв изюбря отозвался издалека его сородич. Застонала ночная птица. «Сова, наверное...» Обитатели тайги, притихшие на время, пока обустривалась стоянка и раздавался стук топора, вернулись к своей привычной жизни.

Изюбри поочерёдно, то страстно и протяжно, то отрывисто и требовательно, ненадолго прерываясь, пели песни, в которых слышалась сила, нагулянная на сочном разнотравье лета. По характеру и отдалённости звуков Федот насчитал трёх солистов. Больше других ему понравилась песнь ближнего, и не потому, что его было лучше слышно, а за то, что выводил он свои арии вдохновенно, с припевами. «Сосед-то мой не хуже Шаляпина выводит», – наслаждался Федот необычным концертом.

Как любой человек, замурованный в бетонные стены, а потом вдруг отпущенный на волю, Федот растворился в волшебстве таёжной ночи. Он впитывал звуки и шорохи, плывя в ночной тишине, и сливался в единый организм с лесным пространством. Ему казалось, что он ощущал, как в бесконечном покое таится неутолимая страсть, как осторожность соперничает с отвагой, а беззащитность граничит с сокрушающей мощью; чувствовал, как в этих противоположностях переплетаются судьбы обитателей леса. С него будто спали одежды, которые мешали отличить прикосновение тёплой женской руки от давки в общественном транспорте. «Надо же, всего то день ходу – и другой Мир. Нет, нельзя отрываться от Природы», – думал он, утопая в необычных ощущениях.

От усталости, тепла и сытости стало клонить в сон. Федот повернулся к огню спиной и сомкнул веки. «До чего же приятно засыпать под звуки ночного концерта, прикасаясь телом к пространству. И ведь нисколько не мешает. Наоборот, уютно», – думал он. Однако едва он так подумал, как раздался вдруг рёв, от которого похолодело в груди. Распахнулись глаза. Дрёма вспорхнула испуганной птицей и растворилась в темноте. Федот сел и, затаив дыхание, напряг слух. С полминуты висело абсолютное безмолвие. И вот опять, будто специально для тех, кто не понял, ночную тайгу встряхнул грозный рык. «Тигр... не более полукилометра», – сдавила его твёрдая уверенность.

Отправляясь в лес, он конечно же знал, что его путь может пересечься с путём хозяина Сихотэ-Алиня. Но это было скорее теоретическим допущением, чем практическим ожиданием. Просвещённый ум Федота всё подсчитал. Он поделил площадь Приморья на две половины. Одну – отдал людям, а лесные уголья разделил на триста пятьдесят сосчитанных кем-то хищников. Плотность полосатого населения получилась хилой. «А с учётом того, что тигр не охотится на человека, вероятность встречи с ним стремится к очень малым величинам», – думал теоретик.

В голове Федота завертелись, наскაკивая друг на друга, сумбурные мысли: «Что предпринять? Куда деться? Эх, ружьё бы...» Выскочивший из глубин ген страха подсказывал: «Надо лезть на дерево». Федот оглядел окружающую темень. «Самое подходящее укрытие – моя ёлка. Залезть, что ли? И сидеть там без огня? Ну, нет... Эх, костёр бы поярче. Зря дров не наготовил», – бесплодно билось под темечком. Желая уменьшить свою беззащитность, он положил рядом топор, вытащил из-за пояса нож и, не найдя куда его приткнуть, возвратил на место. Он сидел у тусклого костра, как на эшафоте в ожидании палача, и до звона в ушах прислушивался к ночи, пытаясь уловить малейший шорох. Но тигр, объявив об охоте, словно выключил все звуки. Тайга замерла.

Как перевести рёв вольного тигра безоружному человеку, коротающему ночь под открытым небом? Можно, конечно, сказать, что он подобен грохоту вулкана, надеть его ужасом землетрясения, назвать его зовом из преисподней; можно придать ему силу абсолютного владыки, беспощадного тирана, вольного казнить без суда и следствия. Но во всём этом видно лишь воображение, а это в данном случае неинтересно, потому что написано за столом. Это то же, что пересказать русское красноречие на иностранном языке. Рёв тигра, вышедшего на охоту, – это не только предвестник чьей-то гибели, это ещё и ожидание гибели, что, как известно, хуже смерти. Рёв тигра, вышедшего на охоту, – это обнажённая связь времён, в которой красной нитью сплетены вечные страхи людей перед насилием.

Всего минуту назад Федот умиротворённо впитывал в себя окружавшие звуки и ощущения, философствовал о звёздах, и вот слетели с него знания тысячелетий, разделяющие его с Зорким Глазом. Как и давний Предок, он затрепетал перед невидимой, но явной опасностью. Исчез мир технического прогресса, выветрилась просвещённость, не вспомнились примеры отваги и мужества. (Да и не перед кем было проявить эти качества). И не осталось ничего, кроме страха.

Минула четверть часа. Проползли полчаса. Ни звука, ни шороха. Бесконечные минуты оборвали биение жизни. Страх смерти заполнил ночной лес. Все его обитатели покорно затаились, напряглись в ожидании зла. И Федот почувствовал, как вместо недавнего касания тёплой руки, его сердце сжала холодная клешня страха. Он почти не двигался, лишь однажды подложил дров в огонь, да взглянул на безучастные звёзды, мерцавшие в недосыгаемости. Иногда ему мерещилось, что тигр наблюдает за ним из-за деревьев и выбирает момент для нападения. Пытаясь спастись от невыносимой нагрузки, Федот неожиданно для себя прошептал:

– Силы Небесные, пронесите мимо.

Он никогда ранее не произносил таких слов. Напичканный «научным» атеизмом, он даже не подозревал, что когда-нибудь скажет их. Однако сейчас сердцем почувал, что все полученные

университетские знания ровным счётом ничего не стоят. Нельзя отпугнуть опасность теорией относительности. Не даёт она надежды на спасение. Тут нужно нечто совсем другое...

– А-я-я-я-х... ай-х... я-а-х... – внезапно разнеслись по лесу отчаянные, резко затухающие, и словно всхлипывающие вопли. Пахнуло трагедией. Федот понял, что кого-то настигли когтистые лапы полосатого убийцы. «Не уберётся, бедняга, проморгал», – посочувствовал он безвестной жертве.

Реальность и неотвратимость происходящего действия, а главное его близость, держали Федота в напряжении. Он почти касался тонкой грани жизни и смерти, явственно сознавал, как чья-то звериная жизнь переходит эту грань и уже никогда не вернётся в лесные чащи. Он опасался, что и его может запросто постигнуть такая же участь. И хоть понимал, что угроза будто бы миновала, да и дичь он вроде никудашная, но и сомневался: «А вдруг жертва сумела вырваться и азартная охота продолжается? Вдруг тигр старый и не смог поймать добычу? А тут вот он – неподвижный кусок свежей плоти. Не зря ведь вокруг всё та же тишина. Или в Природе задумано так же, как у людей, – не предаваться полнокровной жизни, пока кто-то переходит из одного мира в другой?» Навязчиво лезли в голову слышанные ранее случаи о нападениях тигров на людей, подогревая тем самым сомнения и страхи. Пытаясь оградиться от них и почему-то подражая разговорному стилю знаменитого гольда, Федот посылал вглубь леса безмолвные фразы: «Амба, мой тебя не боится. Ходи своей тропой»...

Облегчение пришло через час. Далёкий, едва слышный излюбленный глас, как лучик, пронзил плотную завесу напряжения. Немного погодя откликнулся ещё один самец. Лесная жизнь, чуть приостановившись, снова потекла своим чередом. Звери всего лишь подождали, пока до отвала напируется и станет безразличным к ним хозяин тайги. Федот прислушивался к голосам зверей, но не узнавал среди них своего певуна. «Может, слишком далеко удрал, а, может, стал тем бедолагой», – с сожалением думал он, заваривая крепкий чай.

Спать не хотелось. Полуторачасовой всплеск эмоций не выпускал его из своих объятий. «И ведь каков, хищник!» – не смог не восхититься он тигром. – «Честно предупредил о начале охоты. Мол, ужинать хочу, иду искать, а кто не спрятался – я не виноват». Накал переживаний до крайности изнурил Федота. Он не чувствовал более единства с лесом, а был в нём инородцем, чужаком. Он сидел у костра словно после болезни и по инерции продолжал вслушиваться. Несколько раз ложился, пытался заснуть, но не получалось. Снова сидел, пил чай и невольно сравнивал себя, пришельца в лес, с теми, кто жил когда-то в первобытных джунглях: «Они жили в сплошной череде быть съеденными и съесть кого-нибудь самим. Они боялись, и им нужна была Вера в спасение. И они верили в Высшие Силы. Теперь нарушен этот баланс. Теперь мы только едим, едим... Нет в нас первобытного страха. Вместо страха – злость, и осталось ещё потребительское опасение не отстать от других. Оттого возомнили о себе, и не осталось Веры. Созрели. Скоро наш разум сорвётся с ветви бытия, как переспелый овощ. И сеятель соберёт урожай...»

Только под утро, когда поблекли звёзды, Федот ненадолго забылся у догорающих головёшек. Однако этот вымученный полусон физических сил не прибавил. Очнувшись, он безразличным взглядом посмотрел на проступившие очертания леса, на потухший костёр; представил вдруг себя лишённым возможности вернуться в привычную асфальтовую среду и обречённо подвёл черту: «Бояться быть съеденным, думать, как выспаться... впрочем, если привыкнуть... нет, слишком далеко унесло. Да и не получится. Скоро исчезнут вольные тигры из искорёженных лесов, и человечество умрёт, потому что не сможет плодоносить на мёртвой планете, отравленной корыстью».

БУДЕНЬ

К концу дня сорокалетнего Потапыча, привыкшего к таёжным будням с невзгодами и непогодами, хмарь «достала» хуже назойливой мухи. Из низких, лохматых туч моросит и моросит. Плохо идти. Ручьи хоть и не бурлят излишками воды, но камни под ногами скользкие, и кусты увешаны гроздьями капель, от соприкосновения с которыми одежда насквозь промокла, прилипла к телу, а с неё и в сапоги натекло. Портянки и даже войлочные стельки – хоть выжимай. Одним словом, полевая жизнь. Хотя, конечно, бывает «поле» и похуже: например, где-нибудь в знойной пустыне от недостатка мороси можно вообще иссохнуть из Яви...

Однако дело к вечеру, пора табориться, чтобы перед ночлегом просушить амуницию у благодатного огня.

Площадка вблизи кряжистой лиственницы показалась Потапычу ровнее, чем в других местах – в самый раз для ночлежки. Он подивился ещё, как у подножия каменистого склона среди худосочных родственниц и редких сухостоин вымахала такая громадина, но потом, срубая одну из сушин для ночлежного костра, понял, в чём дело. Когда-то здесь бушевал пожар, сверстницы её, не удержавшись на подгоревших корнях, либо попадали, либо засохли, а она выстояла, подавая пример жизнелюбия новой поросли...

Настроение и погода, как сообщающиеся сосуды: светит солнце или мерцают звёзды – и Душа поёт, и мысли приятные, а когда земля придавлена низкими тучами, вспоминается всякое.

– Ты раб Тайги, раз не можешь без неё... и не найти тебе древнее стойбище... – всплыли вдруг слова из разговора с бывшим сотрудником.

– Хм, раб... у кого, что болит... дитя привязано к матери всю жизнь, а не раб, – возразил он тогда. – И Предки наши считали себя внуками Дажьбожьими, а не рабами... ну, а стоянку если не искать, то и не найти...

– Кому она нужна! Бабки надо делать, а не лазить по дебрям, – усмехнулся тогда собеседник.

– Чтобы засосало в рабство корыстных желаний?.. Да и нет нынче трудов праведных, на дворе эпоха спекуляций и распродажи народных богатств... Уволь!..

Переночевав, ранним утром он вылез из-под походного укрытия. Над сопками сквозь остаточные клочья ненастья сиял рассвет, Тайга вся ещё в каплях вечерней мороси, словно боясь спугнуть робкий солнечный луч, затаилась; в прохладном воздухе не звучал ещё однотонный комариный звон, и только серебристая мелодия ручья нарушала утреннюю тишину.

– Кажется, жизнь налаживается, – порадовался он вслух, вытираясь после водной процедуры пахнущим дымом полотенцем, – значит, перевал сегодня проскочу.

Хорошее настроение придаёт бодрости, убыстряет ход событий. На чай с сухарями, на сворачивание ночлега вместо обычного часа ушло в два раза меньше. Потапыч залил костёр, развернул голяшки болотников, чтобы меньше промокнуть в кустах, взвалил рюкзак и двинулся к перевалу. Но не успело ещё упакованное снаряжение прилечь к изгибу спины, как сзади что-то треснуло, раздался грохот, заставив путника вздрогнуть и оглянуться на причину, нарушившую природный покой.

То место, где только что располагалась его стоянка, накрыло разлапистое дерево-аксакал. По телу Потапыча пробежал озноб. Задержись он хоть на немного, жизненные пути старой лиственницы и его – могли бы сомкнуться в одной точке. Чудны прихоти случая, но ему показалось, что это падение неспроста, что это какой-то знак, предупреждение о чём-то, ведь ничто не мешало свалиться дереву до его прихода или, наоборот, попозже, когда «след простынет». От того, что успел выскользнуть из серьёзной неприятности, он почувствовал себя

удачливым, но одновременно мысль о «предупреждении» зародила в его душе какую-то расплывчатую тревогу.

Однако вскоре начались густые заросли стланика. Пожалуй, даже джунгли, хоть и не тропические. Тут вместо переплетения лиан хаотично переплелись толстые, упругие ветви северного кедрача. Чем ближе к перевалу, тем гуще – сплошное перелазанье и протискивание. Потапыч даже беззлобно поругивался, когда рюкзак, подогнанный под ширину плеч, не вписывался в проёмы ветвей и застревал. При этом одна нога оказывалась на одной ветви, а вторая – на другой, и надёжная точка опоры – земля – где-то там, куда не достать ногами. Зависнув в переплетении, он чувствовал себя уже не совсем удачливым; эта непрерывная полоса препятствий наливалась конечности тяжестью, требовала частых передышек, времени и сил тратилось много. Впрочем, был тут и плюси́к: частые (хоть и кратковременные) позы орангутанга оттеснили тревогу на второй план.

Но перевал всё-таки смиловивился над ним: у самого верха появилась длинная проплешина, сложенная курумником. Замшелые валуны после «джунглей» выглядели почти скоростным шоссе. Правда, излишняя угловатость и обилие щелей между камнями принуждала его не отрывать глаз от «полотна дороги», чтобы не растянуться во весь рост. И всё-таки обзорный взгляд навскидку позволил ему заметить, что проплешина приглянулась ещё одному путешественнику, который также не отрывал глаз от камней. Навстречу, ничего не подозревая, пёр на своих четырёх – Косолапыч.

Чувства, только что убаюканные открытым пространством, снова встрепенулись. Вмиг пропала усталость конечностей. «Вовремя на поляну вышел, а так бы в зарослях – нос к носу», – мелькнула мысль и угасла перед вставшей проблемой. Биться Потапычу не хотелось, поэтому он сунул пальцы в рот и громко свистнул. Однако Косолапыч не среагировал, видимо, привык к похожим звукам от пронырливых пищух. Не меняя скорости движения, он лишь чуть приподнял голову. «Ладно, потрачу дробовой патрон, должен ведь страх иметь перед выстрелом», – решил опытный полевик и пальнул вверх. И правда, на этот раз хозяин тайги вздыбился, секунд пять постоял, пытаясь понять происхождение странного хлопка, но, ничего не узрев, опять встал на четыре лапы и продолжил сближение в прежнем темпе. Не хватало ему самой малости – рявкнуть по-ямщицки: «поберегись!».

В голове лихорадочно вертелось: «Косолапыч совсем без страха, и зрением слабоват, не видит ни черта... придётся биться...»

Расстояние быстро сокращалось. Потапыч сбросил груз, переломил одностволку, чтобы зарядить пулю. К несчастью, стреляный дробовой патрон оказался старый, и его металлическая часть оторвалась от картонной гильзы, перекосилась и заклинила в казённом. Усилий пальцев не хватало, чтобы справиться с неполадкой. «Кажись, влип! И нож утопил, – вспомнил он о недавней потере, когда рука машинально потянулась к поясу, – выковырнуть нечем, и укрыться негде, и весовая категория не моя... заломать может... Так вот о чём предупредила старая лиственница!!!»

Чтобы вытащить из ствола помеху нужно было какое-то подручное средство. Бросив взгляд по сторонам, он увидел чуть сзади несколько сучковатых ёлок, неведь как выросших в зарослях стланика и, не выпуская ружья, с неподобающей опытному полевику прытью помчал по камням к хлипкой надежде на спасение. В стланике, споткнувшись, распластался, но тут же вскочил и вскарабкался на одно из деревьев. С него было видно, что медведь подошёл к сиротливой котомке и, приняв себя, остановился в нескольких шагах. То ли её продымленный, пропотевший запах ему не понравился, то ли пытался он связать недавний хлопок с громкими возгласами, доносившимися от ёлок, – очень уж подозрительно косился в их сторону. Невидимый источник возгласов, стоя на ветке и выковыривая сучком заклинивший патрон, громко с надрывом орал:

– Э-э-э! Уйди, тёзка!.. Не тронь рюкзак!.. Уходи!..

Но тот сомневался; переминаясь с лапы на лапу, любопытство в нём боролось с осторожностью. А Потапыч, тем временем, привёл орудие шестнадцатого калибра в исправное состояние, зарядил пулю и приготовился к защите своего скарба, хотя, несмотря на близкое расстояние, в душе противился выстрелу. Из памяти выскочили слова знакомого эвенка: «После выстрела развернулся мишка и ко мне, всю обойму разрядил, а он будто заколдованный, думал конец, только у самых ног рухнул...» Тут же возникло собственное соображение: «Глупо стрелять, когда медведь не хулиган. Если не попасть куда надо, может обозлиться сразу, или потом встретить на узенькой тропинке... Дерево не придавило, – вспомнилось опять ему утреннее происшествие, – так раненый зверь задавит, выскочив где-нибудь из засады. Неприятность, однако, на дальнейший путь... Но если приступит, гад, к мародёрству – придётся бахнуть, без снаряжения и маршрут насмарку, и самому не выбраться». И зверь будто почуял его настрой, будто внял словам и мыслям: как бы раздумывая, куда податься, он повёл туда-сюда башкой размером в пол рюкзака и неспешно скрылся в стланике.

Радуюсь мирному исходу встречи, Потапыч спустился на землю, подошёл к избежавшей разорения ноше и, оглядываясь по сторонам, поднялся на платообразный перевал. Здесь не было таких густых зарослей, как на подъёме. Но зато разреженный стланик был усыпан маленькими кедровыми шишками, а в проходах между кустами синели ягоды голубики. Настоящее пастбище. И словно в подтверждение на глаза ему попала синяя «дорожка» с вкраплениями шелухи от шишек. Хозяин тайги изрядно набил брюхо и от перебора разной еды прямо на ходу пропонулся. «Косолапыч сыт был, потому и не позарился на мой скарб», – сообразил Потапыч, подходя к развалу каменных глыб у противоположной стороны перевала. Почему-то образ живого медведя соединился в мыслях с эмблемой партии власти, вызвавшей усмешку: «Когда-нибудь и их прохватит от излишеств».

Впереди раскинулась ширь, у горизонта сливающаяся с небосводом, а глыбовый развал уходил вниз, в угадываемый по соседним склонам распадок. Он достал карту, определился, и попытался разглядеть на местности его слияние с долиной реки, где заканчивалась пешая часть маршрута. Но распадок терялся в геоморфологическом хаосе гольцов и хребтов. Эта нетронутая техническим прогрессом панорама завораживала, а прозрачно-голубая дымка создавала иллюзию безкрайности просторов, куда не кинь взгляд – всё величаво, открыто и... загадочно, таинственно. Перед ним покойно отдыхала несокрушимая Русь, в которую где-то там, на окраинах, вцепляются мёртвой хваткой рабы «золотого тельца». Да не по зубам она им, потому что защитники её – русичи – слеплены из этих же просторов и от них неотделимы. Видимо, не осознали ещё, что Русь хоть и располагается на Земле, но явление космическое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.